

Г. У. На родной нивѣ. (Очерки, замѣтки, наблюденія) //
Отечественныя Записки. 1880. № 7. С. 110-121.

НА РОДНОЙ НИВЪ.

(Очерки, замѣтки, наблюденія).

I.

Г. Буренинъ, говоря по поводу моей замѣтки о праздниѣхъ Пушкина, напечатанной въ прошломъ № «Отеч. Зап.», обругалъ меня нехорошими словами. Ругать онъ меня началъ съ перваго столбца и ругалъ, такимъ образомъ, вплоть до столбца четырнадцатаго. Ругалъ поминутно и все непотребными словами. Наконецъ, на четырнадцатомъ столбцѣ бросилъ и пошелъ спать, а я, дочитавъ его фельетонъ, долгое время былъ въ большомъ недоумѣннн, стараясь понять, почему это, несмотря на 14 столбцовъ непотребныхъ словъ, я ни капли не обижаюсь. Мнѣ бы, повидимому, непремѣнно слѣдовало разсердиться, а я вотъ сижу и не сержусь. Что за чудо? «Фальсификація», «поддѣлка», «наглая передержка»—чего-чего нѣтъ, а мнѣ—какъ съ гуся вода. Что это означаетъ? Положимъ, что г. Буренинъ ругалъ меня, хотя и безпрестанно, на 14-ти столбцахъ, но ругалъ какъ будто бы безъ аппетита, какъ-то сонно; думаешь, вотъ-вотъ съѣсть или укусить, по крайней мѣрѣ, а онъ, точно, разинетъ ротъ—огромный-преогромный—да вдругъ, вмѣсто того, чтобы съѣсть—зѣвнетъ и ротъ перекрестить. Иной разъ возьметъ даже зубами за икру, но поддержать—подержать и пустить, и начнетъ чесать за ухомъ... Наконецъ, я додумался кой до чего и, какъ кажется, понялъ, отчего произошли такія странныя вещи, т. е. отчего я не чувствую обиды и отчего г. Буренинъ ругалъ меня безъ аппетита. Виновать оказался все тотъ-же извѣстный русскій писатель Ѳ. М. Достоевскій, авторъ знаменитой рѣчи. Желая всѣхъ силою своего

слова покорить, всё́м понравиться и быть привѣтствованнымъ всѣми, г. Достоевскій соединилъ въ своей рѣчи вещи совершенно несоединимыя; въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что *всѣ* тѣ, на кого рѣчь г. Достоевскаго произвела сильное впечатлѣніе, явились къ нему въ квартиру благодарить и выразить сочувствіе. Является мужъ Татьяны благодарить за то, что г. Достоевскій назвалъ его честнымъ человѣкомъ, несмотря на то, что его самого иной разъ мучилъ вопросъ—ужь не загубилъ-ли, молъ, я, старый хрѣвъ, чужую жизнь? Честный человѣкъ радъ ободряющему слову, онъ радъ, что почтенный писатель заступился за него, онъ, хотъ и старъ, но онъ любилъ Татьяну, «какъ отецъ», лелѣялъ ее, какъ зѣницу ова, и, правду сказать, Татьяна цѣнила его внимательность и спокойную, но прочную любовь, не рвалась, какъ нынѣшнія, непохожія на женщинъ, странныхъ барышни, въ какіе-то курсы, не бѣгала съ книжкой и т. д. Генераль благодарить г. Достоевскаго за то, что онъ вывелъ и возвелъ этотъ истинный типъ женщины, матери семейства, вѣрной своему дѣлу, слушающей родителей. Въ заключеніе, генераль похвалилъ тещу, м-ше Ларину, за то, что она, какъ «истинная» мать, сумѣла во-время обуздать Татьяну, не побоялась ея слезъ, выbila изъ головы дурь и фантазію о какомъ-то хлыщѣ Онѣгинѣ и свою твердость достигла того, что изъ Татьяны вышла женщина, а не какая-нибудь нынѣшняя курсистка, не какая-нибудь мечтающая о какихъ-то общественныхъ дѣлахъ, въ родѣ ея несчастной племянницы, Маши Булатовой, которой, вѣроятно, предстоитъ гибель. «Эти книжки, забавиваетъ генераль, эти курсы, лекціи, служеніе народу, фельдшерщицы и т. д. — это, по моему, гибель семьи!» Поблагодаривъ Ѳ. М. еще разъ и жарко пожавъ ему руку, генераль уходитъ, но въ самыхъ дверяхъ сталкивается съ несчастной племянницей, Машей Булатовой, которая также является благодарить г. Достоевскаго... «Ты затѣмъ?» въ удивленіи спрашиваетъ генераль. «Я хочу поблагодарить г. Достоевскаго, отвѣчала Маша Булатова:—за то, что онъ, своимъ искреннимъ словомъ, поддержалъ меня, тогда какъ вы всѣ измучили меня; я, послѣ его рѣчи, чувствую силы на борьбу со всѣми вами, и, ужь будьте покойны, теперь никакими запорами вамъ не удержать меня въ вашемъ великолѣпномъ гнѣтѣ». Затѣмъ, Маша Булатова въ жаркихъ выраженіяхъ, торопливо рассказываетъ г. Достоевскому свою исторію, какъ бабушка м-ше Ларина, этотъ самый генераль и частію ужь состарившаяся Татьяна, ея родная тетка, во что бы то ни стало хотять ее упецъ замужъ за очень богатаго человѣка, что она знаетъ, какъ густа эта праздная жизньъ, что она не эгоистка, что она хочетъ быть полезной другимъ, что она хочетъ ѣсть трудовой хлѣбъ, учиться, знать, учить другихъ и т. д. Она въ сильномъ волненіи рассказываетъ Ѳ. М., что генераль и м-ше Ларина, видя ея участіе къ сельскому учителю и боясь, чтобы

изъ этого не вышло «амуровъ», натворили Богъ знаетъ что. Распустили про учителя такіе слухи (въ союзѣ съ попомъ), что того теперь и слѣдъ простылъ. Что даже на курсы попасть ей стоило страшныхъ усилій, на каждомъ шагу ей дѣлали неприятности. Доводили о чѣмъ-то до свѣдѣнія начальства, вслѣдствіе чего ей не выдано было свидѣтельства о благонадѣжности и т. д. Но теперь, послѣ рѣчи Ѳ. М., ей все нипочемъ. Она все забыла. Она вся хочетъ отдаться служенію на родной нивѣ. Ей ничего не нужно, ни жениховъ, ни каретъ, ни богатствъ — она уйдетъ въ чѣмъ есть и вся посвятитъ себя служенію на пользу ближнему. Затѣмъ, съ гнѣвомъ взглянувъ на своего дядю, она прибавила: «да, давно-давно пора было заклеить публично, всенародно нашу ужасную интеллигенцію, праздную, апатичную, не думающую о народѣ и его нуждахъ. И это вы сдѣлали въ одномъ мѣстѣ вашей рѣчи, Ѳ. М. Спасибо вамъ, большое спасибо!» Она ушла, жарко пожавъ руку Ѳ. М. и презрительно взглянувъ на дядю. Дядя, весь красный отъ гнѣва, недоумѣвая, глядѣлъ на г. Достоевскаго, который, чувствуя свое неловкое положеніе, какъ-то загадочно улыбался, глядя въ землю. Генераль, побрякивая, хотѣлъ удалиться и началъ прощаться, говоря: «Во всякомъ случаѣ, позвольте еще разъ»... Но не успѣлъ онъ окончить фразы, какъ въ комнату влетаетъ—Боже милосердый—социалистъ! Въ какомъ онъ видѣ, пусть изобразить кто-нибудь другой; въ моей лирѣ нѣтъ подходящихъ для этого звуковъ и перо мое невольно дрожитъ въ рукѣ. Коротко скажу: онъ былъ ужасенъ! Онъ едва не спихъ съ ногъ генерала, стремительно бросился на Достоевскаго, какъ бы желая его задушить, и вопилъ: «благодарю, благодарю!» Генераль ушелъ, не простясь. Но тотчасъ же явился новый посѣтитель. Это былъ И. С. Аксаковъ. Видя, что Ѳ. М. обнимается съ какою-то подозрительною личностью, Ив. С. сталъ въ сторонѣ и слушалъ слѣдующее: «Отлично, Ѳ. М., вы утерли носъ этимъ славянофиламъ. Довольно они разводили на бобахъ насчетъ народности подолеви. Я думаю, Аксаковъ теперь почесываетъ въ затылкѣ, какъ вы хватили его всевропейскимъ-то человѣкомъ. Именно, правда ваша, русскому человѣку придется быть пустымъ пузырькомъ, если, какъ вы говорите, всечеловѣческая тоска не заполонитъ его душу. Слава вамъ, что вы такъ смѣло, искренно связали идеалы русскаго человѣка со скорбію о всечеловѣческомъ счастьи! Да! Только всемірное счастье, только тоска по немъ—вотъ задача мыслящаго человѣка и чистаго сердца! И я жму вашу честную руку за ту прямоту и искренность, съ которою вы не побоялись связать это публично»...—«Тамъ въ сединѣ есть мѣсто...» началъ было Ѳ. М., улыбаясь и загадочно глядя въ землю, но социалистъ ушелъ такъ же, какъ и пришелъ—вихремъ.—«Этотъ уродъ какими судьбами очутился здѣсь? въ удивленіи спросилъ И. С.—И что-то я не понимаю, кажется, съ

благодарностію являлся? Или мало ему той оплеухи, которую вы закатили всѣмъ этимъ общечеловѣкамъ? Таеъ подогнуть башку пустозвонную, отъ пустоты и вмѣстѣ гордости лѣзущую вверхъ, какъ подогнули вы, почтеннѣйшій Ѡ. М., подогнуть подъ ярмо народнаго плуга, подъ соху мужицкую, никто доселѣ еще съ та-кимъ блистательнымъ успѣхомъ не дѣлывалъ! Вѣроятно, не про-брало пустую башку!.. Да, пора, пора согнать всю эту всеевро-пейскую саранчу съ нивы народной, которую съ ношей крест-ной исходилъ, благословляя, Царь небесный! Пора переломить пополамъ, какъ гнилую палку, этотъ гордыбачащій и европей-ничающій вздоръ!.. Меня такіе господа востягъ за то, что я сижу въ банѣ, а толкую о народѣ, да объ общинѣ. Надо зат-нуть глотку этимъ непрощенымъ судьямъ; чѣмъ совать свои всеевропейскіе носы въ разные общественные порядки — пойми, каналья, самъ-то самого себя, самъ-то себя ухитрись высѣчь и больно высѣчь—вотъ что у васъ, Ѡ. М., вышло великолѣпно, и положительно скажу—всевластно, воочію объявилось, быть можетъ, доселѣ невиданное зрѣлище единенія на мысли о родной нивѣ всевозможныхъ противныхъ по убѣжденіямъ лагерей». И тутъ, Ѡ. М. что-то заикнулся-было насчетъ того, что «тамъ въ сере-динѣ есть мѣсто»... Но И. С. Аксаковъ не слышалъ, что гово-рилъ ему г. Достоевскій, и, вѣрнѣе пожавъ ему руку, уѣхалъ въ банѣ. Положеніе Ѡ. М. во время этихъ визитовъ было весьма пекотливое. Особенно же ему было неловко, когда къ нему яви-лась Татьяна. Она благодарила его не за себя. «Что прошло, того не воротить», сказала она. Она была рада, что Ѡ. М. един-ственный человѣкъ, который хорошо отозвался объ Онѣгинѣ. «Вѣдь, право, онъ былъ добрый человѣкъ. Но вы вспомните, какое тогда было время! Куда было дѣвать и сердце, и умъ... Они потомъ съ Чацкимъ—оба бѣдныя какъ мучились въ этомъ ужасномъ обществѣ... Я не жалѣю о прошломъ—что жалѣть о томъ, что ушло навсегда!—но вѣдь вспомните положеніе тогдашней женщины, дѣвушки. Мы ничего не знали, жили какъ велятъ... Мы были забиты... Раз-умѣется, оставалось терпѣть... Повѣрите-ли, я часто завидую моей племянницѣ... Она будетъ вольная птица... Сама себѣ го-лова. А мы? Мы даже и любить-то не смѣли, кого хотѣли... И думать не смѣли... А теперь! Хоть не браните, и за то вамъ спа-сибо, Ѡ. М.» Татьяна приложила къ глазамъ платокъ...

Я очень сожалѣю, что не имѣю времени перебрать рѣши-тельно всѣхъ посѣтителей, благодарящихъ г. Достоевскаго, мнѣ-нія которыхъ *по частямъ* исчерпываютъ всю знаменитую рѣчь.

Но уже и изъ этихъ, примѣрно изображенныхъ визитовъ, чи-татель, знакомый съ рѣчью г. Достоевскаго, можетъ видѣть, во-первыхъ, то, что подобныя визиты совершенно возможны, во-вторыхъ, то, что они происходятъ вслѣдствіе нѣкотораго недо-разумѣнія, и въ-третьихъ, наконецъ, что, несмотря на благо-дарность, выражаемую г. Достоевскому его разнородными почи-

тателями, всё они, вслѣдствіе вышеупомянутаго недоразумѣнія, должны уйти отъ него съ чувствомъ нѣкотораго неудовлетворенія и какъ бы нѣкотораго непріятнаго раздумья. Всякій изъ этихъ почитателей—славянофилъ, социалистъ, генераль или курсистка, очевидно, непріятно поражены сосѣдствомъ одинъ другого и непремѣнно должны чувствовать нѣкоторое изумленіе при видѣ того, что вчерашніе враги (напримѣръ, дядя и племянница) вдругъ оказались какъ-бы вполне согласными другъ съ другомъ, хотя и знаютъ въ тоже время, что между ними нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго согласія. Что-жь это означаетъ?

Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
Да кружить по сторонамъ!

И точно—«кружить». Вотъ, напримѣръ, г. Буренинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ полусонныхъ ругательствъ набросился на меня (а укусить, не укусилъ) за то, что я въ моемъ отчетѣ о московскихъ празднествахъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «какое-то замѣчаніе, сдѣланное г. Достоевскимъ насчетъ *какого-то смиренія*, будто бы необходимаго для этого скитальца, въ то время, когда онъ ужъ и безъ того смирился и уничтожился передъ чужой заботой (то есть, передъ заботой о чужомъ горѣ, о чужомъ—лично для него—дѣлѣ и т. д.)—это замѣчаніе прошло почти мимо ушей...» Подтрунивъ затѣмъ надъ моими ушами и поставивъ послѣ словъ «чужая забота» знакъ вопроса, г. Буренинъ начинаетъ доказывать мнѣ, что ежели бы мои уши были похожи на его уши, то они должны бы были слышать, что слова г. Достоевскаго о смиреніи вовсе не «какое-то» замѣчаніе, а главная, существенная, даже едва-ли не самая основная мысль рѣчи. И чѣмъ же онъ доказываетъ несовершенство моихъ ушей? Онъ выписываетъ изъ рѣчи г. Достоевскаго слова, касающіяся совершенно противоположнаго скитальческаго типа, чѣмъ тотъ, о которомъ говорю я. Онъ выписываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «именно, именно чуть не по немъ, и онъ злобно ругается за *свою* обиду!» Очевидно, что и у г. Буренина уши не вполне въ натуральномъ видѣ. Я говорилъ не о томъ человѣчишкѣ, который шляется по свѣту съ своей личной обидой и за нее даже смѣетъ проливать кровь, а о *страдалицѣ*, который, на основаніи той же рѣчи г. Достоевскаго, не можетъ быть счастливымъ личнымъ счастьемъ, который дешевле не помирится, какъ на всечеловѣческомъ счастьи; я говорилъ о человѣкѣ, страдающемъ не своей только, а всечеловѣческой обидой; о человѣкѣ, для котораго «своимъ» горемъ, обидой стало чужое горе, чужая обида... Передъ чѣмъ же ему еще смиряться, позвольте узнать? Очевидно, что мы оба слышимъ въ рѣчи г. Достоевскаго разное, каждый свое: я говорю про Оому, а г. Буренинъ про Ерѣму и бранится еще нехорошими словами. Бранится, а аппетиту на-

стоящаго, чтобы, напримѣръ, иеру прокусить насквозь — этого нѣтъ, не чувствуетъ. И радъ бы, да г. Достоевскій напуталъ.

А весь секретъ, вся тайна этой путаницы (почему мы говоримъ о ней и вообще такъ долго занимаемъ читателя разговорами о вещахъ, ставшихъ уже достояніемъ прошлаго—читатель узнаетъ въ концѣ этой замѣтки), вся суть этого невозможнаго объединенія разнороднѣйшихъ, уже установившихся, вполне опредѣлившихся взглядовъ партій и мнѣній заключается, по нашему мнѣнію, въ одномъ маленькомъ, крошечномъ словечкѣ, которое г. Достоевскій поставилъ въ самомъ центрѣ своей рѣчи. «Смиренно поработай на родной нивѣ!» сказано въ самомъ центрѣ всеобъединяющей рѣчи. Вотъ это-то слово «нива» и есть, по нашему мнѣнію, корень зла. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, означаютъ слова «родная нива» (просимъ пристальнѣе вникнуть въ ихъ смыслъ)? Точно ли это обыкновенная нива, положимъ, засѣянная овсомъ, или же нѣчто иное? Очевидно, выраженіе это аллегорическое. Но, опять, что означаетъ эта аллегорія? Положа руку на сердце, выраженіе это (какъ думаемъ мы) ничего существеннаго, опредѣленнаго не означаетъ и означать не можетъ. А между тѣмъ, на этой-то ничего не означающей нивѣ приглашаютъ работать, да притомъ еще смиренно, и вокругъ этой смиренной работы на нивѣ вертится все громадное, всечеловѣческое значеніе русской страдальческой души, все ея всемирно умиротворяющее значеніе и т. д. Какъ же могло случиться, чтобы два-три ничего не означающія слова могли объединить, по крайней мѣрѣ, хоть въ ашплодисментахъ, людей, явно враждующихъ между собою, и объединить даже какъ бы во имя самой вражды? Вѣдь вонъ племянница-то благодарила именно за то, что отъ г. Достоевскаго досталось ея дядѣ, а дядя за то, что досталось племянницѣ. Въ этомъ-то и есть секретъ. Поставивъ въ центрѣ рѣчи слова, ничего опредѣленнаго не выражающія, г. Достоевскій далъ полную волю своимъ слушателямъ придавать имъ тотъ смыслъ, каковой они придать имъ пожелаютъ. Да, дядѣ курсистки весьма довольно въ этой фразѣ одного *смирения*, которое вполне оправдываетъ его женитьбу на Татьянѣ, его отношенія къ невокорной племянницѣ и т. д. Относительно же *ничего*, онъ — онъ противъ нея ничего не имѣетъ; такъ какъ выраженіе это ничего не значитъ, то его съ удобствомъ можно пропустить мимо ушей. Противъ неопредѣленности выраженія ничего не имѣетъ и славянофилъ, и нетолько не имѣетъ, но находитъ его весьма приятнымъ, такъ какъ ему нравится въ рѣчи не столько эта «работа» на какой бы тамъ ни было нивѣ, сколько то великое будущее, тѣ чудеса и т. д., которыя, какъ оказывается, русскій человекъ совершить съ европейскими порядками внослѣдствія времени. Ему дорого это отдаленное будущее, а не постыдное настоящее, для котораго вполне достаточно «смиренія» вообще... Но на раду съ лицами, отдающими въ вышепри-

веденной фразѣ г. Достоевскаго предпочтеніе слову «смиреніе» предъ остальной частью фразы, въ числѣ слушателей и читателей было не мало и такихъ, которые сами, самовольно, не спросясь г. Достоевскаго и не дожидаясь его, придали выраженію «родная нива» совершенно опредѣленный свой смыслъ, свое—худо ли, хорошо ли понимаемое—значеніе, а главное, чтобы не терять времени въ напрасныхъ толкованіяхъ пустопорожнихъ словъ «родная нива», замѣнили ихъ въ собственномъ своемъ воображеніи тоже двумя словами, но словами, имѣющими опредѣленный смыслъ—именно, рѣшили, что рѣчь идетъ просто-на-просто о «народномъ дѣлѣ». Эта незначительная замѣна одного слова другимъ, пустого—что-нибудь означающимъ, тѣмъ болѣе имѣла значеніе для г. самовольцевъ, что немедленно же давала точный и опредѣленный смыслъ, съ одной стороны, слову «смирись», съ другой—«потрудись», «поработай».

И вотъ, согласно тому смыслу, который разномысленные слушатели г. Достоевскаго придали, каждый въ отдѣльности, самому важному пункту, на которомъ вращались всѣ детали рѣчи—и послѣднія были поняты и пригнаны къ центру также по своему, на свой образецъ. Тѣ, которые, не вникая въ сущность рѣчи, просто довольствовались смиреніемъ Татьянъ, смиреніемъ букашки, проткнутой булавкой и до конца жизни безропотно шевелящей лапками—были, разумѣется, очень довольны тѣмъ, что отъ этихъ булавокъ и булашекъ современемъ произойдетъ нѣчто всемирно замѣчательное. Ни о нивѣ, ни о работѣ на ней—такого рода господа, конечно, не думали. Быть проткнутой булавкой—это-то, должно быть, и есть всечеловѣческая заслуга, и въ этомъ-то, должно быть, и заключается работа на родной нивѣ. Но тѣ, кто «ниву» замѣнили «дѣломъ»—тѣ, невольно, но неминуемо должны были искать въ рѣчи г. Достоевскаго и опредѣлений самаго дѣла народнаго... Въ смыслѣ этого опредѣленія, такіе слушатели, разумѣется, должны были обращать особенное вниманіе не на тѣ мѣста рѣчи, гдѣ говорится о трипичности и дрянности разныхъ человѣчишекъ, шатающихся по свѣту съ надутыми на человѣчество губами и т. п.—здѣсь нѣтъ отвѣта на вопросъ—что и какъ дѣлать?—а на тѣ мѣста, на тѣ выраженія, гдѣ говорится о всечеловѣческихъ страданіяхъ, о томъ, что сердце русское наиболѣе къ нимъ воспримчиво, и т. д. Все, что было сказано въ послѣднемъ смыслѣ, принималось какъ указаніе, оправданіе и объясненіе.

Въ такого рода неправильномъ толкованіи наиболѣе торжественныхъ мѣстъ рѣчи г. Достоевскаго, конечно, виновато самовольство его слушателей, подставившихъ на мѣсто умильтельнаго слова «нива» довольно грубоватое слово «дѣло». О томъ, правильно-ли или неправильно понята рѣчь г. Достоевскаго и нами, и своевольцами, какъ и что мы поняли—мы ужъ сказали. Болѣе объ этомъ говорить не будемъ. Мы только хотимъ обратить

вниманіе читателя на ту поистинѣ громадную жажду, съ которой значительная часть общества, если не все общество поголовно, ждетъ откуда бы то ни было указанія на «дѣло», на народное «дѣло». Оно само, какъ видите, разыскиваетъ эти указанія тамъ, гдѣ ихъ даже и нѣтъ, само строитъ собственныя свои теоріи изъ такихъ матерьяловъ, которые и собраны-то собственно затѣмъ, чтобы связать — «перестань!» Мы сказали выше, что этимъ недугомъ заражено почти все общество — потому, что, послѣ освобожденія крестьянъ, буквально все общество стало на новую дорогу. Народный вопросъ самъ собой сталъ передъ всѣми; рѣшеніе его не можетъ не волновать всякаго, и буквально всякій думаетъ о немъ по своему. Именно неизбѣжность, обязательность, неминуемость мысли объ этомъ вопросѣ, настоятельность опредѣленія «народнаго дѣла» — дало послѣднему двадцатипятилѣтію ту, а не другую физиономію, и если эта физиономія не всегда и не всѣмъ приходилась по сердцу, то единственно потому, что «народное дѣло» не выяснилось во всей полнотѣ и безпристрастїи, къ которому обязываетъ его серьезность и значеніе. Все въ потьмахъ, все ощупью, все въ безпомощномъ невѣденіи... Предсказаній, шарадъ, ребусовъ насчетъ великаго будущаго, ходячихъ фразъ «этого у насъ нѣтъ», что мы такіе-сякіе-сухіе и намазанные (на пушкинскомъ праздникѣ одинъ ораторъ сказалъ: «у насъ нѣтъ сословій») — сколько угодно, а настоящаго выясненія задачъ народнаго дѣла, задачъ необходимыхъ для всякаго живущаго на Руси — потому что нельзя, невозможно цѣлымъ поколѣніямъ жить о единомъ хлѣбѣ — нѣтъ! Теперь вотъ, черезъ двадцать пять лѣтъ — лѣтъ весьма поучительныхъ — говорятъ: «поди моль, потрудишься на какой-то родной нивѣ?» А гдѣ она? Что она? — неизвѣстно. Да еще со смиреніемъ! Не только нѣтъ мало-мальски правдиваго, безпристрастнаго указанія на самое дѣло, но даже и положеніе-то самой нивы, на которую приглашаютъ потрудиться со смиреніемъ, какъ на грѣхъ ни единымъ словомъ не уясняется. Напримѣръ. Въ «Дневникѣ писателя» того же г. Достоевскаго (1877 № 2) есть двѣ въ этомъ отношеніи весьма характерныя главы. Одна изъ нихъ называется «Злоба дня въ Европѣ» а другая, рядомъ съ нею, «Русское рѣшеніе вопроса». Параллель могла бы быть въ высшей степени интересная, еслибы была соблюдена авторомъ равномѣрно во всѣхъ частяхъ. Но этого-то именно и нѣтъ. Покуда дѣло идетъ о злобѣ дня въ Европѣ — авторъ вполне послѣдователенъ. Прежде всего онъ изображаетъ происхожденіе даннаго положенія вещей и, на основаніи этого положенія, выводитъ заключеніе относительно того способа, которымъ можетъ быть рѣшенъ или безъ котораго рѣшенъ не можетъ быть рововой проклятый вопросъ. Но какъ только дѣло касается Россіи — нивагого положенія вещей нѣтъ, а прамо, съ первой строки, начинаются ни на чемъ не основанныя прорицанія, указанія, ребусы, шарады. Усмири себя, по-

вори себя, и т. д. Сдѣлаемъ небольшую выписку. Вотъ что говорится о злобѣ дня въ Европѣ. «Въ Европѣ былъ феодализмъ, были рыцари. Но въ тысячу слишкомъ лѣтъ усилилась буржуазія и, наконецъ, задала повсемѣстно битву, разбила и согнала рыцарей и стала сама на ихъ мѣсто. Исполнилась въ лицахъ поговорка: «убирайся, а я на твое мѣсто». Но, ставъ на мѣсто своихъ прежнихъ господъ и завладѣвъ собственностію, буржуазія совершенно обошла народъ, пролетарія и, не признавъ его за брата, обратила его въ рабочую силу для своего благосостоянія изъ-за куска хлѣба». Но, въ свою очередь, этотъ новый хозяинъ—буржуа—«отлично хорошо понимаетъ, что пролетарій, бывшій въ борьбѣ его съ рыцаремъ еще ничтожнымъ и слабымъ, очень можетъ усилиться и даже усиливается съ каждымъ днемъ. Онъ предчувствуетъ, что когда тотъ усилится, то совырнетъ его съ мѣста, точно такъ же, какъ онъ рыцаря, и точно такъ же скажетъ ему: «убирайся, а я на твое мѣсто». Вотъ положеніе вещей въ Европѣ, положеніе историческое, вполне объясняющее неизбѣжность борьбы не на животь, а на смерть между двумя борющимися сторонами, уже ставшими въ боевую позицію. Г. Достоевскій обстоятельно объясняетъ почему ни та, ни другая сторона не можетъ уступить, почему вопросъ не можетъ быть поставленъ на нравственную почву и т. д. Всѣ эти объясненія въ европейскомъ рѣшеніи вопроса о злобѣ дня, повторяемъ, основаны на исторически сложившемся положеніи вещей, очеркъ котораго г. Достоевскій приводитъ въ началѣ статьи именно для того, чтобы читателю было понятно *почему* дѣло рѣшится такъ, а не иначе. Но какъ только дѣло касается Россіи, съ первой же строки начинается отвлеченная (хотя и очень искусная) проповѣдь о самосовершенствованіи. Ни о положеніи вещей въ данную минуту, ни о прошломъ, изъ котораго оно вышло, нѣтъ ни одного слова. На каждомъ шагу задаешь себѣ вопросы: какую-такую злобу дня разрѣшу я, если, подобно Власу, буду съ открытымъ воротомъ и въ армякѣ собирать на построеніе храма Божія? Если ту же, какаю въ Европѣ, то почему же тамъ дѣло должно кончиться дравой, а не Власомъ? Если другую какую-нибудь, русскую злобу, особенную, то какую именно? Еслибы г. Достоевскій былъ послѣдователемъ, то параллельно выше приведенному изображенію положенія вещей долженъ бы былъ представить такое же и относительно Россіи. Въ Европѣ, говоритъ онъ, были рыцари... а у насъ были или не были? если не рыцари, то хоть простые грабители, откупъ, напимѣръ, которые опаивали народъ дурманомъ, организмъ, физическое здоровье его разстроивавшіе? Забирались нетолько въ карманъ, а въ самую кровь... Въ Европѣ вотъ, говоритъ г. Достоевскій—буржуа не даетъ пролетарію жить на свѣтѣ... А у насъ есть-ли что-нибудь въ этомъ родѣ? Для кого устроены банки всевозможныхъ родовъ и видовъ, кто играетъ на биржѣ, сѣддаетъ милліоны гарантій и субсидій? И достаточно-ли въ

такихъ дѣлахъ Власа, собирающаго на построеніе храма Божія? Рѣшительно нельзя понять, почему на Руси люди будутъ только самосовершенствоваться... Единственное объясненіе этому, кажется, состоитъ въ томъ, что люди эти вообще ужасно развращены, испорчены... И опять неизвѣстно, кто ихъ изгадилъ, отчего они развратились, и отчего именно они-то и суть проповѣдники христіанства. Не опредѣляя «положенія» вещей, не объясняя его, рѣшительно невозможно давать совѣтовъ о томъ, что нужно дѣлать, невозможно предсказывать, пророчить, учить и наставлять, не рискуя впасть въ противорѣчія и свести самую горячую проповѣдь на ничто. И такихъ противорѣчій можно найти у г. Достоевскаго не мало. Въ рѣчи онъ подтруниваетъ надъ тѣмъ, что до сихъ поръ интеллигентный человѣкъ все какъ будто хочетъ поднять народъ до себя, а въ дневникѣ прямо совѣтуетъ «поднимать»... Въ томъ же дневникѣ говоритъ: «раздай имѣніе», а на слѣдующемъ столбцѣ говоритъ, что можно и не раздавать, и т. д.

И такъ, все дѣло сводится на внимательное изслѣдованіе положенія, въ которомъ находится родная нива, ибо только въ такомъ случаѣ слово «смирненіе», которое мы ставимъ во главѣ угла служенія народному дѣлу, получаетъ смыслъ опредѣленный, опредѣленное направленіе и опредѣленные границы. Точно также и дѣло народное дѣлается совершенно опредѣленнымъ, принимаетъ реальныя формы. Позволимъ себѣ привести небольшой примѣръ. Предположите, что нѣкоторый человѣкъ (молодой или старый, все равно), чувствительный и сердцемъ, и умомъ въ нуждамъ родной «нивы», приходитъ къ сознанію необходимости посвятить себя, свои силы и средства на служеніе ей. Никакихъ западно-европейскихъ декорацій онъ устраивать для собственной потѣхи на этой нивѣ не желаетъ. Напротивъ, онъ желаетъ работать чисто въ народномъ духѣ. Общинныя начала можно ли полагать народными, крѣпко пустившими корни въ глубинѣ народнаго духа и ума? Я полагаю, что можно. Представьте еще, что, преклоняясь предъ ними, какъ предъ народными, впечатлительный человѣкъ этотъ понимаетъ ихъ и цѣнить гораздо болѣе, чѣмъ цѣнятся и понимаются они на самой нивѣ, причемъ онъ цѣнить ихъ и дорожить ими особенно сильно и страстно, потому что ему, какъ человѣку образованному, въ подробности извѣстно мучительно-тягостное положеніе злобы дня у милліоновъ европейскихъ народовъ, о чемъ говоритъ г. Достоевскій. Изучивъ эту глубокую неправду чловѣческихъ отношеній въ Европѣ сначала по книжкамъ, потомъ убѣдившись, положимъ, личнымъ опытомъ, до какой степени отношенія эти несправедливы, жестоки, не имѣя силъ забыть ни казней въ Сатори, которыя чувствительному человѣку пришлось видѣть, не имѣя силъ и возможности изгладить изъ памяти впечатлѣніе лондонскихъ рабочихъ кварталовъ, этихъ чело-

вѣчныхъ гѣздъ нищеты и скорби, беззащитнаго одиночества и т. д., чувствительный человѣкъ нашъ, подавленный массою человѣческихъ страданій, пережитыхъ имъ и въ книгѣ, и во снѣ, и на яву, приходитъ къ мысли, или вѣрнѣе къ прочному убѣжденію, что его личныя несчастія—ничто въ сравненіи съ этими вѣковыми страданіями миллионовъ, начинается забывать о себѣ, о своихъ личныхъ недугахъ, и все болѣе и болѣе дѣлаеть своими чужія бѣды. Онъ чувствуетъ, что надо «смирить» себя, покорить себя работѣ на родной нивѣ, послужить народному дѣлу. Гдѣ же ему служить, какъ не на родинѣ? Радостно замѣчаетъ онъ, что у насъ еще дѣло не стало на ту непривѣтливую почву, какъ въ чужихъ земляхъ, что у насъ есть «общинныя начала», изъ за которыхъ тамъ бьются въ кровь не одинъ десятокъ лѣтъ. Именно помня эту кровь, эти Сатори-Кайенны, эти звѣрскія сцены и т. д., онъ страстно желаетъ сохранить эти предохраняющія отъ крови и слезъ наши народныя начала и принимается работать надъ тѣмъ, что уже существуетъ, какъ фактъ, что даже правительствомъ признается, какъ форма общежитія, обезпечивающая прочность финансовой системы, предохраняющая страну отъ развитія пролетаріата и т. д. По своимъ силамъ и средствамъ, онъ задумываетъ самое крошечное дѣло въ этомъ, чисто народномъ смыслѣ. За большое онъ не беретъ, онъ строго ввѣсилъ и оцѣнилъ свои силы и средства, понялъ онъ, что можетъ и чего не можетъ. На самое дѣло наталкиваетъ его простой случай. Онъ прочиталъ въ газетахъ, что въ камерѣ мирового судьи того города, гдѣ онъ живетъ, разбиралось дѣло о побояхъ и увѣчьяхъ, нанесенныхъ сапожникомъ мастеромъ Кудряшовымъ десятилѣтнему мальчику ученику. Изъ дѣла оказалось, что Кудряшовъ колотить своихъ учениковъ не на животь, а на смерть, бьетъ ремнемъ, не кормить, держитъ въ холодной комнатѣ и т. д. Впослѣдствіи, пройдя съездъ эту каторгу и оставшись живымъ и здоровымъ, мальчикъ и самъ, пожалуй, будетъ также учить своихъ учениковъ и т. д.

И вотъ, жалѣя мальчика въ настоящемъ, жалѣя его въ будущемъ — чувствительный человѣкъ нашъ надумываетъ самое простое, по его мнѣнію, дѣло. Онъ рѣшается отдать свои средства на образованіе мастерской (отдай имѣніе твое), въ которой бы ребята не били, а учили, не мучили голодомъ, а кормили, и думать, что общинное начало въ видѣ артельного хозяйства— вещь не только не предосудительная, но прямо нужная, законная и т. д. Онъ отыскалъ избитаго мальчика, а этотъ привелъ къ нему еще двоихъ, тоже избитыхъ, три другіе ушли отъ другого суроваго хозяина сами, и вотъ начинаютъ жить они. Чувствительный человѣкъ, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, «принимая» покуда въ главные мастера взрослого сапожника, но, желая быть послѣдовательнымъ именно въ смыслѣ народнаго дѣла, онъ долженъ «убѣдить», какъ взрослого рабочаго, такъ и

маленькихъ учениковъ его, въ томъ, въ чемъ убѣжденъ самъ. Ему обидно, что его называютъ «хозяиномъ». Какой онъ хозяинъ? Онъ—такой же, какъ и они. Онъ хочетъ только, чтобы, при его помощи, они «сами» завели «свое» дѣло на товарищескихъ основаніяхъ, сами были хозяевами своей работы. На первый же порохъ ему приходится, очевидно, очень и очень много разговаривать. Сапоговъ не шьютъ покуда, а разговоры идутъ и разговоры долгиѣ... А покуда они разговариваютъ, противъ него, противъ этого чувствительнаго человѣка ужъ устроивается нѣчто непріязненное... Положимъ, что у насъ нѣтъ ни буржуа, которые не дадутъ жить пролетарію, нѣтъ даже сословія—нѣтъ ничего въ западно-европейскомъ, не христіански-враждебномъ родѣ, но есть двое хозяевъ сапожниковъ, которые недовольны, и очень основательно недовольны тѣмъ, что отъ нихъ сбѣжали мальчики, что это дурной примѣръ; есть, кромѣ того, матери и отцы, не понимающіе и не могущіе понять, почему это баринъ затесался къ сапожникамъ, что ему нужно, и непременно думающіе, что тутъ что-нибудь не такъ; есть, наконецъ, сами мальчики, берущіе примѣръ въ непониманіи какъ съ родителей, такъ и съ взрослога мастерового, своего учителя, который также покашивается на барина, отказывающагося быть хозяиномъ, и полагаетъ, что тутъ не безъ подвоха. Всѣ эти—не буржуа, ни тѣмъ паче рыцари, ни, Боже избави, пролетаріи—начинаютъ шутковать, болтать, обсуждать въ кабакѣ, за воротами, а тѣ изъ нихъ, кому нужно, начинаютъ и поступать по силѣ и по мочи. Какъ они поступаютъ—не наше дѣло. Но представьте себѣ, что впечатлительный человѣкъ, вслѣдствіе ихъ поступковъ, съ сожалѣніемъ принужденъ пойдти, положимъ, хоть къ г. Достоевскому, «посоветоваться», какъ ему быть?

— Закрывать мнѣ мастерскую или же отстаивать ее?

Что отвѣтитъ ему Ѳ. М.? Неужели скажетъ:

— Смирись! Гордый человѣкъ!

Но на это впечатлительный человѣкъ можетъ возразить:

— Да я и такъ ужъ смирился. Мнѣ лично ничего, я хочу только хотъ этимъ пятерымъ, шестерымъ мальчишкамъ быть полезень. Неужели же я долженъ бросить ихъ на произволъ судьбы? Вѣдь ихъ пуще прежняго начнутъ колотить колоткой по головѣ. Мнѣ вѣзетъ, что я и по христіански не имѣю права отступать. Я долженъ идти до конца. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ, я готовъ...

— Смирись, праздный человѣкъ! Покори себя себѣ, усмири себя въ себѣ. Не вѣй тебя правда, не въ сапожной твоей мастерской, а въ тебѣ самомъ найди себя, самъ собой, въ себѣ...

— Стало быть, бросать посоветуете?

И даже на этотъ вопросъ нѣтъ категорическаго отвѣта; не слушая и не останавливаясь, продолжаютъ:

— ... И узришь свѣтъ... И увидишь правду... Побѣдишь себя,

усмиришь себя и другихъ освободишь; и узришь счастье... и начнешь великое дѣло... Не въ вещахъ правда.

И т. д. до безконечности.

Видите, какъ самыя прекрасныя прорицанія овазываются безплодными, разъ на родной нивѣ оказалось крошечное дѣло. Видите, что даже отвѣтовъ на самыя простыя вопросы, возбуждаемые дѣломъ, совсѣмъ-таки нѣтъ въ обращеніи. И не слѣдуетъ ли изъ этого, что прежде нежели приглашать потрудиться на нивѣ, прежде нежели рекомендовать смиреніе, какъ наилучшее средство для этого труда — заняться съ возможной внимательностью изученіемъ самой нивы и положенія, въ которомъ она находится, такъ какъ, очевидно, только это изученіе опредѣлитъ и «дѣло», въ которомъ она нуждается, и способы, которые могутъ помочь его сдѣлать. А прорицать можно и послѣ.

Зачѣмъ все это пишется?

Это пишется, какъ предисловіе къ небольшимъ замѣткамъ, имѣющимъ касаться исключительно текущей народной дѣйствительности, которыя, начиная съ настоящей книжки, мы отъ времени до времени намѣрены помѣщать на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ».

Г. У.